

УДК 2-3

ЧЕЛОВЕК ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Волобуев Алексей Викторович, канд. филос. наук, доцент,
МАДИ, Россия, 125319, Москва, Ленинградский пр., 64, philosophy87@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой оригинальный анализ социально-психологических и коммуникативных аспектов фундаменталистского мировосприятия через призму классического психоаналитического подхода. Обосновывается тезис о том, что психологической основой фундаменталистского мировосприятия являются глубинные фантазии чистоты и единства, образующие пространство коммуникации с другими членами общины. Личностный рост фундаменталиста тормозится возвратом к инфантильному чувству единения ребенка с матерью, и автономное мышление и самовосприятие, основанное на рефлексии и критике, в первую очередь самокритике, тормозится инфантильным сознанием. Фундаменталистское мировосприятие, таким образом, родственно классической психоаналитической инфантильной редукции.

Ключевые слова: фундаментализм; человек; коммуникации; религиоведение; философия религии; социальная философия; модерн; современность; постмодерн.

A MAN OF FUNDAMENTALIST MINDSET: SOCIAL, PSYCHOLOGICAL AND COMMUNICATIVE ASPECTS

Volobuev Aleksey V., Ph. D., associate professor,
MADI, 64, Leningradsky Prosp., Moscow, 125319, Russia, philosophy87@mail.ru.

Abstract. Article represents the original analysis of social and psychological and communicative aspects of fundamentalist attitude through a prism of classical psychoanalytic approach. The thesis that it a psychological basis of fundamentalist attitude is the deep imaginations of purity and unity forming communication space with other members of community is proved. Personal growth of the fundamentalist is slowed down by return to infantile feeling of a unification of the child with mother, and the autonomous thinking and self-perception based on a reflection and criticism, first of all self-criticism is braked by infantile consciousness. The fundamentalist attitude, thus, is related a classical psychoanalytic infantile reduction.

Key words: fundamentalism; person; communications; religious studies; religion philosophy; social philosophy new right; bible belt.

Вступление

Одной из ключевых особенностей фундаменталистского мировоззрения является убежденность его адептов в том, подлинная

религиозность и правильная жизнь возможны только как истинный образ жизни всего общества, т.е. тотально. Фундаменталист буквально воспринимает все, во что он верит, будь то религиозная вера в сверхъестественные сущности или глубокая убежденность в непогрешимости фундаментальных основ политэкономической идеологии. Все то, во что фундаменталист глубоко верит, должно быть воплощено в жизнь на уровне семьи, общества, церкви, политической структуры государства, экономики, культуры и окружающего мира в целом. Бинарная оппозиция бытия и сознания не приемлется фундаменталистскими идеологиями: сказанное и помысленное должно быть воплощено в материальном мире повсюду.

Говоря о фундаментализме, крайне трудно провести грань между религиозным и политическим. Фундаменталист утверждает универсальную ценность тех социокультурных и аксиологических систем идей, которые разделяет его группа, и считает ложными (сатанинскими, ревизионистскими – враждебными) любые отклонения от них, всякую альтернативу. Таким образом, фундаментализм антагонистичен нововременным и постмодерным идеям релятивности истины и понятий добра и зла и уж тем более не приемлет снятие этих бинарных оппозиций.

Фундаментализм на уровне отдельных личностей

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением, что фундаментализм «может существовать на уровне отдельных личностей» [5, с. 38] Изучение психических установок бессознательного, образующих фундаменталистское мировоззрение, а также психоаналитический подход к изучению иллюзорных идей, лежащих в основе фундаменталистского мировоззрения, показывают, что фундаменталистское мировосприятие с его центральными образами и идеями чистоты, слияния и другими образуется только как продукт

социальной группы, к которой индивидуальное бессознательное фундаменталиста тесно привязано. Следовательно, фундаментализм не может существовать на уровне изолированной личности, но способен возникать на уровне любой социальной группы, будь то нация, этнорелигиозная группа, государство или иная общность. Таким образом, фундаментализм чаще всего рождается на религиозной основе, но может появиться и на основе национальной политической идеологии или даже политэкономической доктрины.

Фундаменталист тесно привязан к своей социальной группе. Экзистенциальной для такого мировоззрения является его зависимость от референтного сообщества, с которым он себя идентифицирует. Потребность в идентификации, как показано выше, является естественной и неистребимой для человеческого общества. И чем активнее ее пытаются элиминировать, называя «отсталостью» и «пережитками родоплеменного сознания», тем яростнее эта потребность обнаруживает себя. Фундаменталистское мировосприятие получает мощное подкрепление со стороны социальной группы через бессознательные переживания единства, слияния с чем-то высшим, представляющим собой проецирование отдельных черт, присущих членам социальной группы (необязательно присущих реально), и, самое главное, через коллективное символическое противопоставление себя Другому, на которого проецируются негативные черты, присущие членам социальной группы. Антагонизм с постмодернистским принципом запрета на понятие и даже слово «чужой» тут очевидна. Фундаментализм может выполнять значимую социокультурную функцию, а именно: он зачастую оказывается самым доступным и приемлемым способом обретения идентичности. Причем любопытно отметить, что связь с социальной группой, переживание слияния и с ней и обретение идентичности через переживание, преследование. Другого вовсе не обязательно требует

реальной коммуникации с живыми людьми, это символический процесс, не нуждающийся в личной связи с конкретными людьми. Именно благодаря такому парадоксальному свойству фундаменталистского мировосприятия ИГИЛ и другие экстремистские фундаменталистские организации способны побуждать своих латентных сторонников совершать насилие даже без прямого контакта с ними.

Фундаментализм является реакцией на модернизацию, причем вне зависимости от того, о каком конкретно фундаментализме идет речь. Фундаменталистское мировоззрение и идеология с необходимостью подразумевают отрицание важнейших социокультурных и ценностных структур современного глобализированного общества, нередко – западной цивилизации, а то и всей современности как своего рода цивилизации, но это отрицание выборочное. Они могут не включать в себя отрицание технологических, политических и экономических достижений той цивилизации или культуры, которой конкретный фундаментализм себя противопоставляет, а использовать их в своих целях как средства. У некоторых нынешних фундаменталистских идеологий наблюдается черта, характерная исключительно для эпохи модерна, а именно: тенденция к развитию тоталитарных идеологий, охватывающих все сферы общественной и личной жизни, регламентирующих жизнь человека от А до Я. Это черта совершенно не свойственна тем религиозным и этическим учениям, которые фундаменталисты, как правило, ставят своим сторонникам в пример (и тут очевиден антагонизм с протестом постмодерна против любой тотальности, организованности, иерархии). Такая склонность проявляется в стремлении к тотальному преобразованию общественной жизни и в универсалистском миссионерском энтузиазме, что, между прочим, прямо противоречит принятому во многих западных странах принципу отделения церкви от государства. Однако ирония заключается в том, что чем больше фундаменталистское учение

противопоставляет себя Западу (или Востоку) и современности, тем больше их черт это учение перенимает. В качестве примера можно привести Иранскую революцию. После ее победы самые современные социально-политические институты, не имеющие прообраза в исламе, не были ликвидированы, а наоборот, составляют основу современной политической системы Исламской Республики Иран. Это, например, парламент и парламентские выборы [9, с. 12] (впрочем, о том, что содержанием таких новаций европейского образца может быть и бывает вовсе не европейское, сказано выше).

Фундаменталист не стремится сохранить существующее (или недавнее) состояние общества, как консерватор, или вернуться к достаточно отдаленному прошлому, как реакционер. Фундаменталист – это модернист, и чаще всего – пламенный революционер. Фундаменталистская идеология синтезирует старое и новое и размывает границу между политикой, моралью и религией. Как это возможно? Если говорить о конкретной политической программе, то адепты этих учений, как правило, хотят возврата к культурным и ценностным первоисточникам того общества, в котором они живут, или переделки того социума, в который их занесла миграция, причем возврата и переделки в упрощенной и идеализированной форме. При этом они практически всегда являются яркими сторонниками технологической модернизации и инвестиций в военно-промышленный комплекс. То есть фундаменталист, как правило, стоит за возврат к ценностям прошлого средствами будущего. Можно было бы сказать проще: политический фундаментализм в исламе – это модернизация без вестернизации, если бы не одно существенное обстоятельство – фундаментализм родился на Западе или порожден западным вмешательством, и несколько его форм представляют собой скорее ультравестернизацию. В качестве примера можно привести такую мировоззренческую установку, характерную для многих

фундаменталистов разного толка: традиционную роль женщины в семье следует сохранить, но всем мужчинам необходимо обеспечить право на активную политическую деятельность.

Фундаменталистское мировоззрение по своей сути манихейское. Любой его носитель, будь то верующий или «рыночник», всегда видит мир черно-белым. «Фундаментализм относится к другим религиям как к ошибочным» [5, с. 40] – в отличие от постмодернистской индифферентности или прямого атеизма. Фундаменталистское мировоззрение строится вокруг бессознательной иллюзии чистоты, поэтому любая система ценностей, любая идеология, любая религия, хотя бы незначительно отклоняющиеся от норм и догм социальной группы, референтной для фундаменталиста, считаются ложными. Ложные религии или идеологии нужно преследовать, противостоять им. Хотя здесь можно увидеть любопытное исключение: если какая-то религия почиталась основателем той, которую исповедует фундаменталист, предшествовала ей, то фундаменталист проявляет к ней необычную для него толерантность. «Так, христианский фундаментализм часто терпит иудаизм, но отвергает ислам; мусульманский фундаментализм терпит иудаизм и христианство, но отрицает вышедший из недр ислама бахаизм» [5, с. 40]. Это черно-белое восприятие подкрепляется следующей идеологемой: фундаментальный текст позволяет отчетливо видеть границу между правдой и ложью, между добром и злом, между прекрасным и безобразным (и тут следует напомнить о том, что постмодерн вообще стирает эти границы). Данные понятия онтологизируются и ресакрализируются, и если для либерала свободный рынок – абстрактная модель, то для рыночного фундаменталиста – это сакральный символ. Здесь не может быть компромиссов. Бог и дьявол не могут договориться. Добро и зло относятся к сфере сакрального. За добро следует бороться, а зло искоренять, в том числе и физическим насилием – но тут уже

приходится говорить о радикальной форме фундаментализма – о терроризме.

Таким образом, фундаменталистское мировоззрение имеет социально-философский и социально-психологический базис, что находит свое выражение и в процессе его формирования, и в процессе его взаимодействия со всеми сферами современного общества.

И здесь очевиден еще один довод в пользу того, что фундаментализм нельзя сводить к религиозной форме, так как мотив личной связи с богом объективно вторичен по отношению к социальным установкам, а также к коллективному бессознательному, таким его фантазмам, как фантазм чистоты, фантазм слияния с группой и преследование чуждого Другого. Фундаментализм – это прежде всего социальное явление.

Условия возникновения фундаменталистских концепций

Существует определенный набор условий возникновения фундаменталистских концепций и мировосприятия в рамках конкретной идеологии или религии. Среди них можно выделить внешние аспекты, связанные с культурно-историческими, политическими и экономическими условиями модерна и постмодерна, в которых существует и эволюционирует данная идеология или религия. Во вторую группу есть основания отнести те причины, которые обусловлены социально-психологическим климатом общности людей, структурой организации, идеологии или религии и набором ее идеологических установок.

Сам по себе термин «фундаментализм» означает возвращение к основам, буквальное прочтение текста (но в интерпретации, заданной конкретными социальными условиями), поэтому одним из главных внутренних условий возникновения фундаментализма является наличие подобного текста, который мог бы послужить фундаментом идеологии или религии.

Такой текст представляется фундаменталистам сакральным, его истины

непогрешимыми, все написанное в нем требует буквального толкования, а существование какого-либо феномена общественной жизни, не согласующегося с данным текстом, является основанием для его изгнания из общества. В связи с этим именно авраамические религии, религии Писания, естественным образом являются наиболее плодотворной почвой для произрастания на них фундаментализма. Политические идеологии, восходящие к одному или нескольким авторитетным текстам, также могут давать фундаменталистские побегі: в этом случае один или несколько фундаментальных для традиции текстов сакрализуются. Что касается религий, не являющихся монотеистическими, в основе которых не лежит священный текст, то они могут стать почвой для развития фундаментализма только в том случае, если предмет сакрализации будет все-таки найден, а коллективная идентичность, которую можно противопоставить как чистое нечистому, будет очерчена в рамках сакральных символических границ. Например, буддизм сам по себе не представляет собой подходящей почвы для возникновения и развития фундаментализма. Непросто построить радикальную политическую идеологию, требующую коренного преобразования человека и общества, в соответствии с текстами Палийского канона (Трипитака). После ожесточенных споров и противостояния в Китае, например, вполне мирно в конце концов ужились буддизм, даосизм и конфуцианство. Но хорошими условиями для становления фундаменталистской идеологии является политический национализм, и сингальские ультранационалисты Шри-Ланки, взяв на вооружение один из местных эпических исторических текстов, получили инъекцию традиционных буддийских религиозных норм и ритуалов от местных монахов, игравших и играющих огромную роль в социальной жизни острова, отлив из этой гремучей смеси религиозно-националистическую фундаменталистскую идеологию. Так сложилось движение сингальских

буддийских фундаменталистов Боду Бала Сена («Мощная сила Будды»). Конечно, в этом случае от религии здесь скорее остается обертка и общий авторитет. По содержанию доля ультранационализма значительно выше. Нечто похожее можно увидеть и в отношении индуизма. Конечно, у индуистов есть древний священный текст – Веды, но его нельзя назвать подходящим в качестве ключевого источника норм и ценностей для политической идеологии, поэтому индусский националистический фундаментализм сформировался на основе идеи сакральной чистоты, трактуемой в национально-религиозном смысле. Получилась политико-религиозная концепция хиндутвы («индусскости»). Есть основания считать национально-этническую идентичность базовой по отношению к другим формам идентичности; нередко она становится наиболее актуальной тогда, когда по разным внутренним или внешним причинам в реальности размывается. Так, согласно исследованиям ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады в 1989 г., на первом месте в качестве причины самоуважения респонденты называли родительскую любовь, на втором – чувство «я – советский человек» (в 1990-м по аналогичной методике был проведен опрос в Финляндии; на первом месте там тоже оказалась родительская любовь, на втором – чувство «я – финн»; в финском языке «финном» называется и гражданин, и принадлежность к этносу, но поскольку финны выбирали расшифровку «я сын/дочь своего народа», постольку можно думать, что речь в ответах шла прежде всего об этнической принадлежности) [10, с. 208]; в более поздних исследованиях в России на первые места выходили национальная и этническая принадлежность, вероисповедание и др.

Еще одним важным аспектом и необходимым условием возникновения фундаментализма является существование определенной организации, которая стремится к монополии на смыслы в идейно-ценностной сфере (меж тем, как показано ранее, всякая организация

и структурированность постмодерном отвергается как репрессивные). Нужна какая-то структура, которая смогла бы эффективно остановить смыслообразование модерна и постмодерна в обществе, монополизировав идейно-ценностную сферу. И как только эта социальная структура, будь то церковь, или монашеская община, или экономическая школа, получает определенную власть, фундаментализм рождается неизбежно. Он возникает тогда, когда остановлено смыслообразование, когда идеи и ценности перестают проецироваться в будущее и начинают неизбежно проецироваться в прошлое. Фундаменталистское «назад, в прошлое»!», заполняет собой идейно-ценностный вакуум.

Психологические особенности фундаментализма

Исходя из вышеизложенного, можно уверенно заключить, что существует имманентная связь между фундаменталистским мировоззрением и бессознательными фантазиями нарциссических образов единства, целостности и равенства. Эти образы порождают ярко выраженное стремление к насилию, базирующееся на фантазии нарциссического идеального состояния. В этом мире воображения чуждый Другой переживается как захватчик, посягающий на символическую чистоту социальной группы. Это иллюзорное идеальное состояние может поддерживаться только в том случае, если чувства личности членов групп, не соответствующие бессознательному идеалу единства, могут быть спроецированы на внешнего Другого и там преследоваться. Говоря короче, это отторжение неизбежности амбивалентности и неотвратимых противоречий реальной конечной жизни.

В этом идеальном мире имманентно существует склонность к насильственной радикализации. Принадлежность к социальной группе воплощается в религиозную или политическую идеологию и включается в контекст неразрешенного символического, социального или

политического конфликта. Значение коллективной идентичности, с которой связан этот процесс, возрастает неимоверно и активизирует бессознательное стремление к такому нарциссическому идеальному состоянию. Это стремление, это бессознательное влечение активно используется харизматическими религиозными и политическими лидерами для получения политической власти и привлечения сторонников. Так, ИГ с помощью одной лишь пропаганды, эксплуатирующей это стремление у людей, не связанных с мусульманской общиной напрямую, теперь способно привлекать к совершению спонтанных террористических актов людей, живущих в респектабельном европейском обществе и не имеющих вообще никаких связей с исламистскими ячейками, одного только бессознательного стремления оказывается достаточно, чтобы сесть за руль грузовика и начать давить толпу мирно гуляющих граждан. Конечно, нет никакого прямого пути от подобных идей к насилию и терроризму, это требует индивидуального склада психики и мощной индоктринации, но сами по себе фантазии чистоты, единства и проекции *Другого* являются основой коллективного бессознательного фундаменталиста.

Чистота никогда не может быть определена из себя, она всегда требует контр-образа, чего-то нечистого. Фантазии очищения имеют тенденцию становиться все более и более радикальными с ростом их детализации. Этот факт, а также кумулятивный параноидальный заряд, который они представляют, могут вести к нарастающему уровню исключительного насилия. Поскольку реальный мир никогда не может быть полностью очищен от чего-то в символическом смысле (мы можем очистить его лишь от чего-то физического, например от оспы), неважно, насколько радикальным будет движение, оно на пути к очищению неизбежно начнет чистку самого себя. В самом деле, революция пожирает своих детей, и мировоззрение революционера-фундаменталиста здесь

не является исключением. Процесс очищения никогда не закончится, и проекция собственных свойств психики членов группы, неприемлемых с точки зрения нарциссического образа символического единства, на гонимого Другого никогда не прекратится.

Рациональное мировоззрение, составляющее ядро европейского модерна вообще и Просвещения в частности, вырастает как глубоко рефлексивная и критичная по отношению к фундаментальным основаниям культура, хотя следует сразу оговориться: она зачастую остается или перерастает в рассудочность и грубый прагматизм. Секуляризация, десакрализация и демифологизация мировосприятия во многом сформировались из этой направленности. В религиозном плане вера является личной связью человека с Богом, постоянным самопознанием и богопознанием. Рефлексируя над этой связью, соотнося себя с образом Бога, человек создает личную историю, развиваясь сам и являясь источником эволюции образа Бога. Подобное создание личной истории есть творческий акт, который позволяет западной христианской культуре изменяться и эволюционировать, такое творчество является естественным источником инновации, недаром протестантизм был порождением именно эпохи модерна. Архаическое мышление устроено совсем иным образом. Оно, кроме прочего, основано на табу, и место личной связи с Богом – личность в современном ее понимании в архаике вообще отсутствует – чаще всего заступает ритуал, культ, который не подразумевает самой возможности рефлексии, критики и, следовательно, эволюции. Ни процесса богопознания, ни по большому счету процесса личного познания мы здесь не видим, зато нет и грани, по крайней мере, ярко выраженной, между сакральным и профанным. Столкновение этих двух миров как в личной истории развития человека, так и в истории социальной, может привести к одному из двух исходов. Замкнутый мир разрушается, и на его место приходит хаос, а потом система смыслов

новой открытой культуры, в которой возможно осмысление фактов, не укладывающихся в архаичную систему; либо новая система не принимается, хотя именно ею сформированы люди новой формации, и тогда, в особенности когда противоречия достигли некоего порога, они вынуждены обращаться вспять, к мифическому прошлому.

Политическая культура в обстоятельствах, подобных последним, клонится к диктатуре и тоталитаризму, а субкультура заводит себя в тупик фундаментализма. Психика фундаменталиста сознательно и подсознательно защищает ценности, которые девальвировались в обществе, а фундаменталист теряет поддержку «цивилизованного» (т.е. современного) мирового сообщества. Фундаментализм, отказываясь от диалога, от конструктивной переработки вызовов модернизации, выключает себя из такого общества, из течения жизни, из развивающейся культуры и маргинализируется (правда, в соответствующих благоприятных социальных условиях он, напротив, становится массовым движением).

Психолог Функе (D. Funke), анализируя психику фундаменталиста, отмечает, что в условиях маргинализации противоречия между личностью и обществом могут привести к психологическому кризису. Он пишет, что фундаменталист совмещает в себе шизоидную и навязчивую структуры личности [6]. Шизоид замкнут на себе, чрезвычайно недоверчив, для него не характерны саморефлексия и самокритика, но при этом в силу жажды безопасности и уверенности в себе он склонен транспонировать свои проблемы на различные явления внешнего мира. Другая же структура, структура навязчивости, предельно конформна и стремится встроиться в систему внешних ценностей и подчиниться авторитету. В результате формируется раскол структуры личности, основанной на балансе внутреннего и внешнего. Личностный рост фундаменталиста тормозится возвратом к инфантильному чувству

единения ребенка с матерью, и автономное мышление и самовосприятие, основанное на рефлексии и критике, в первую очередь самокритике, тормозится инфантильным сознанием. Фундаменталист чувствует многочисленные угрозы своей безопасности, он как бы находится в осажденной крепости, что делает его мировосприятие пассивно агрессивным. «В фундаментализме становится зримой вершина айсберга “тоска по безопасности” <...> в эпоху аффективной и когнитивной неопределенности, связанной с большой культурной ломкой, поощряется активизация архаических форм безопасности – в ущерб равновесной балансировке полюсов <...> В своей сути фундаменталистские теории нацеливаются на провозглашение некой конечной великой гармонии, в которой культура и природа, субъект и объект, человек и творение связаны неким всеобъемлющим единством. Не надежда на собственное развитие и возможности, а вера во встроенность во взаимосвязанный беспроблемный космос помогают компенсировать потерю доверия в будущее» [6]. По мнению. Функе, психология осажденной крепости и потеря веры в будущее являются центром адаптации для подобных психически травмированных модернизацией индивидов.

Конечно, не стоит сводить фундаментализм к психическим акцентуациям. Мировое социокультурное явление имеет разные причины, и прежде всего – социальные. Тем не менее, маргинализация определенных социальных групп делает их хорошей социальной опорой для фундаменталистов. Ясное и четкое различие добра и зла, имеющее сакральную основу, трансформируется для фундаменталиста в строго черно-белый образ мира. Все, что не служит божественному порядку, есть зло, обреченное на небытие. Стремление к соблюдению моральных принципов превращается в агрессивное отвержение социального прогресса. И вполне очевидно, что пока существует модерн с его принципами, а также постмодерн, будет существовать и фундаментализм, в ряде случаев имеющий отчетливые постмодернистские черты.

Список литературы

1. Волобуев, А.В. Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман / А.В. Волобуев, Е.С. Кузина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 4 (78). – С. 51–54.
2. Дик, Д. Христианский фундаментализм / Д. Дик // Сделано в Америке. Проблемы современной церкви. Богословие. Культура. Образование. – 2011. – № 15:4. – С. 588–596.
3. Кошко, М.В. Появление и развитие протестантского фундаментализма в США / М.В. Кошко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2, т. 2. – С. 227–237.
4. Косолапова, Е.А. Коммуникация как путь понимания (на материале философской герменевтики Х.-Г. Гадамера) // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2017. – № 1 (11). – С. 34.
5. Кильдяшова, Т.А. Социально-философские аспекты концептуализации религиозности в современном фундаментализме: методологический и региональный контекст: дис. ... канд. философских наук: 09.00.11 / Т.А. Кильдяшова. – Архангельск, 2005. – С. 38.
6. Костюк, К. Православный фундаментализм / К. Костюк. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/kost_prfund.php (дата обращения: 05.12.2018).
7. Кузина, Е.С. Историческая судьба неолиберальной теории глобализации // Сборник научных трудов по материалам IV Международного форума Финансового университета и XII Фестиваля науки «Что день грядущий нам готовит?» – Казань: Изд-во Отечество, 2018.
8. Кузина, Е.С. Образование и социальный капитал // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Перспективы развития гуманитарных наук». – Иркутск: Изд-во «Научное партнерство «Апекс»», 2017.
9. Бассам, Т. Является ли ислам политической религией? / Т. Бассам // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 6 (26). – С. 12–26.
10. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред Ю.А. Левада. – М.: Мировой океан, 1993.
11. Butler Act / University of Missouri-Kansas City. – URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/scopes/tennstat.htm> (дата обращения: 14.09.2010).
12. Hadden, J. Prime Time Preachers: The Rising Power of Televangelism / J. Hadden, Ch. Swann. – Adison-Wesley, 1981. – 217 p.
13. Harris, H.A. Fundamentalism and Evangelicals / H.A. Harris. – New York: Oxford University Press, 1998. – 400 p.

References

1. Volobuev A.V., Kuzina E.S. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 4 (78), pp. 51–54.

2. Dik D. *Sdelano v Amerike. Problemy sovremennoj cerkvi. Bogoslovie. Kul'tura. Obrazovanie*, 2011, no. 15:4, pp. 588–596.
3. Koshko M.V. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2013, no. 2, vol. 2, pp. 227–237.
4. Kosolapova E.A. *Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura*, 2017, no. 1 (11), p. 34.
5. Kil'dyashova T.A. *Social'no-filosofskie aspekty konceptualizacii religioznosti v sovremennom fundamentalizme: metodologicheskij i regional'nyj kontekst* (Socio-philosophical aspects of the conceptualization of religiosity in modern fundamentalism: the methodological and regional context), Arhangel'sk, 2005, p. 38.
6. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/kost_prfund.php
7. Kuzina E.S. *Sbornik nauchnyh trudov po materialam IV Mezhdunarodnogo foruma Finansovogo universiteta i XII Festivalya nauki «Chto den' gryadushchij nam gotovit?»*, Kazan', Otechestvo, 2018.
8. Kuzina E.S. *Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Perspektivy razvitiya gumanitarnyh nauk»*, Irkutsk, Nauchnoe partnerstvo «Apeks», 2017.
9. Bassam T. *Neprikosnovennyj zapas*, 2002, no. 6 (26), pp. 12–26.
10. *Sovetskij prostoj chelovek. Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h* (Soviet simple man. Experience social portrait at the turn of the 90's), Moscow, Mirovoj okean, 1993.
11. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/scopes/tennstat.htm>
12. Hadden J., Swann Ch. *Prime Time Preachers: The Rising Power of Televangelism*, Adison-Wesley, 1981, 217 p.
13. Harris H.A. *Fundamentalism and Evangelicals*, New York, Oxford University Press, 1998, 400 p.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РУДН, инициативная НИР
№100114-0-000 «Человек и общество в контексте современности».*